

МЭЙ VS ХОРН

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ДЖУЛИАН ХИТЧ

Джулиан Хитч

Мэй vs Хорн

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Хитч Д.

Мэй vs Хорн / Д. Хитч — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Традиции - дело, конечно, хорошее, если только они не касаются твоего семейного положения. Что выберет Лорин: свои желания или счастье младшей сестры? Ведь она просит о сущей глупости - выйти замуж. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1. Лорин Хорн. Привет, Джули!	5
Часть 2. Лорин Хорн. Выигрыш, проигрыш или ничья?	10
Часть 3. Лорин Хорн. Эгоист	15
Часть 4. Лорин Хорн. Идеальные незнакомцы	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Часть 1. Лорин Хорн. Привет, Джули!

Логично ли начинать историю с предложения руки и сердца? Ведь обычно романтические фильмы, сериалы, книжки и сказки так заканчиваются. Однако вам ведь стало интересно? Ну ещё бы! Что ж, давайте, посмотрите моими глазами на историю, в которой я поначалу казалась лишь второстепенным персонажем. Правда, всё быстро изменилось. Так о чём это я? Ах, предложение... Возьмите что-нибудь пожевать и попить, сейчас начну. Где-то я всё это записала...

Представьте красивую миниатюрную девушку лет двадцати трёх в лёгком мятном платье до колен, развевающимся при ветре, который приподнимает подол и создаёт купол, похожий на полевой колокольчик. Погодите, не рисуйте её черты лица. Насладитесь тем, как шумит ветер; представьте, как её ноги щекочут стебли цветов и колосья на июльском поле при закатном солнце. Неужели вы не хотите влюбиться?

Её светлые волосы, в которых застряли несколько лепесточков ромашки, гладко уложены в каре. Ни один волос не нарушает строй, а если ветер и треплет их, то они снова ложатся на то же место. Магия, не иначе. Большие глаза орехового цвета смотрят на мир с любопытством и энтузиазмом, а сама она – воплощение жизнерадостности, позитива и доброты. На пухлых губах всегда лежит ровным тоном светлая помада оттенка невинности. Она словно всегда готова к тому, чтобы улыбнуться – уголки губ вечно приподняты.

Лицо без единого изъяна, ей даже не нужно наносить тон – кожа идеально ровная. Без синяков под глазами и морщин. Девушка всегда стильно одевается, соответствуя моде, даже не покупая вещи известных брендов. Она как будто сама задаёт моду.

И чего только не умеет: и шьёт, и вяжет, и занимается благотворительностью, и вкусно готовит, и работает, и нянчит соседских детей за «спасибо». Каждый день занимается спортом, читает классику и знает наизусть чуть ли не всю Джейн Остин.

Ну, как вам? Понравился образ? Не шибко ли красочно себя описала, как думаете? Ох, наверняка, среди вас есть те, кто не поверил... Правильно сделали! Это не я, но и не выдуманый персонаж, а моя сестра – Патрисия Хорн.

А это очень немаловажная деталь предстоящего рассказа. Не волнуйтесь, скоро всё встанет на свои места. Давайте начнём сначала, я – Лорин Хорн. И именно обо мне эта история.

– Патрисия Эбигейл Хорн, позволишь ли стать твоим спутником жизни?

Если бы могла, я бы точно чем-нибудь подавилась, но, к несчастью, во рту ничего нет. Даже не успела понять, когда Кеннет Мэй встал на колено и сказал эти роковые слова.

Возможно, не отвлекаясь на мысли о планах на сегодняшний вечер после семейного ужина и не предвкушая вкус и запах горячего сырного попкорна, я бы и обратила внимание на тревожные моменты. Как Кеннет нервничал, что было совсем на него не похоже. Придётся он пуще обычного и даже купил букет не только Патрисии, но ещё мне и маме. Надо было сразу почувствовать что-то неладное, ведь весь воздух в комнате как будто стал каким-то... романтичным. А день так удачно начинался: вышла новая серия «Как избежать наказания за убийство». Ну, и накрутили же сценаристы там сюжетец!

– Да, Кен! Конечно, да!

Сестра идеально пускает только две слезинки, отчего даже не размазывается тушь. Как она вообще это делает? Молодые бросаются в объятия друг друга, а у меня подмышками выступает пот – это всё точно не входило в мои планы. Ни в ближайшие, ни через лет пять.

Будь моя воля, я бы сейчас сорвалась с места и закрылась в комнате, предпочитая не брать в расчёт этот вечер – будто моя жизнь от этой фразы совсем не изменилась.

Пат целует в губы Кеннета – темноволосого дьявола из той же породы идеальных, что и сестра, его рука по-хозяйски ложится на её шею. Почему-то даже их засос выглядит слишком

прекрасно, если не киношно. И наши родители только если не умиляются этой картине. Мама берёт салфетку с вышитой нашей фамилией и промокает глаза, я вижу, с какими счастливым лицом она поворачивается к отцу, а тот только кивает, улыбаясь уголками губ, а потом мрачнеет, пересекаясь со мной взглядом. А то я вот без него не знаю, каким дерьмом всё оборачивается.

Пока они продолжают свои слюнявые делишки, стараюсь объективно рассмотреть Кеннета. Нет, я, конечно, понимаю, что Патрисия в нём нашла, но зачем же сразу замуж выходить? Повстречались три года, так можно и ещё лет семь, чтобы до круглой даты. А потом, может, и созреют на брак, ведь с годами всё становится лучше. Или так говорят только про алкоголь – житейские мудрости не мой конёк?

Тёмные волосы Кеннета даже не падают сестре на лицо, хотя он так низко к ней наклоняется. Их головы иногда меняют наклон, и я думаю, как его щетина и острые скулы не царапают нежную кожу Патрисии. Когда они отстраняются друг от друга, даже не замечаю раздражения на лице, да и румянца тоже. Они точно люди? Если когда-нибудь окажется, что они инопланетяне, то я вообще не удивлюсь – таким место только там, а мы, обычные люди, проживём под серым небом, не грезя о розовых очках.

Кеннет смотрит на меня и улыбается, и словно становится ещё более статным на вид. Его фигура скрывается в дорогом костюме, застёгнутом на одну пуговицу. Он властно, как и подобает богатому человеку, засовывает руки в карманы, как будто сейчас в столовую залетит пара-тройка папарацци и начнёт его снимать. Такое чувство, что и у него будут такие же идеальные снимки, как и у Барни Стинсона [1]. Только к Кеннету я не испытываю таких тёплых чувств, особенно после того, как он тут на колено опустился. Боже ты мой, у нас в доме не живут рыцари Круглого стола, а Патрисия – не Артур!

Моя последняя попытка: щипаю себя и понимаю, что это не сон.

– Твою ж мать... – шепчу и откидываю голову назад, изучая потолок.

Вау, на нём всё идеально – ни одного пятна или развода, как во всём доме и семье, кроме меня. Я точно не подкидыш? Может, всё же я не родная их дочь – не впервые кажется, что я приёмная. Да и это бы решило часть моих проблем.

– Кеннет, милый, не хочу вас расстраивать... – прокашливаясь, шепчет мать. А в голове циркулирует только фраза: «Ой, нет-нет-нет, только не это!». – Но вы же с Патрисией знаете традиции нашей семьи...

– Конечно, миссис Хорн! – спокойно отвечает Кеннет, сестра только теснее прижимается к нему, ища не то поддержки, не то защиты. – Мы готовы ждать столько времени, сколько потребуется Лорин, чтобы найти жениха.

«Ну, начинается...», – глаза сами собой закатываются, только силой воли сдерживаюсь, чтобы не скорчить ещё и рожицу всем присутствующим.

– Только посмотри, какая воспитанная стала молодёжь: ещё чтит традиции рода, – обращается мама к отцу, а потом ко мне: – Что насчёт этого думаешь ты, дочка?

Каждый раз, когда мама делает так, задаюсь вопросом: «Почему я всё ещё умею разговаривать?». Было бы проще, если бы я молчала. Меньше бы возникало недопонимания между мной и всеми остальными людьми в моей жизни. Да, и что я могу на этот счёт сказать? Я и так говорила об этом множество раз!

Ненавижу. Нет, не так! Не-на-ви-жу э-ти тра-ди-ции! Да кто ещё в наше время им следует? Конечно же, семья Хорн! Только в себе я что-то не замечаю голубой крови: мы обычная американская семья из Мичигана, если не считать этот пункт родителей и тот, что мне нельзя от них съезжать, пока на пальчике моём не заблестит колечко.

– Поздравляю, Патрисия! – натянутую улыбку на лице наверняка видно с Луны.

– Спасибо, сестрёнка!

Патрисия отрывается от «рыбы-прилипалы» и направляется ко мне, распахивая руки для объятий. Оглядываюсь по сторонам: так бы хотелось что-то просунуть между нами, но дорога свободна. В нос ударяет запах её духов и Кеннета – даже воротит, они как попугайчики-неразлучники. Её пальцы складываются в замок на шее, и она целует в щёку. Как только эта соплячка до меня достаёт? Она же ростом всего ничего.

– Так и?.. – нетерпеливо интересуется отец, впервые открывая рот за вечер.

– Папа, прекрати! Не дави на Ло, – сладко говорит Пат, и отец тает словно сахар в чае, даже не накидываясь на меня с монологом о том, когда же уже я выйду замуж и дам спокойно жить своей младшей сестре и им тоже, освободив жилплощадь – нет, ну если гадить, то по-крупному.

Что я могу сказать? Дурацкая традиция, параноидальная я бы даже сказала. Но и сестра, и родители верят в то, что замуж обязательно должна выйти сначала старшая сестра, а только потом младшая, в противном случае – на обеих ложится родовое проклятье. Не видать нам счастья до конца жизни – неудачи будут преследовать тут и там. Сколько бы я ни думала об этом, всё равно не удаётся поверить в эти бредни.

Я люблю свою сестру. Уверена, что она меня даже сильнее. Мы с ней всегда прекрасно ладили, и я не замечала такой яркой разницы между нами, что бы ни говорили люди вокруг. Их разговоры не имели смысла, пока родители не посадили меня в четырнадцать лет на диван, а сестру в десять, и не объяснили, что надо следовать традициям – это наша возможность достичь счастья в жизни. Тогда, в отличие от Пат, я засмеялась, даже пошутила, что, к несчастью, она не выйдет замуж или наложит на нас чары злой колдуньи. Только ей вот было не до смеха – Патрисия поверила во все рассказанные случаи неудач членов нашей семьи в разрезе столетий. У родителей даже была толстенная папка на этот случай.

Патрисия всегда мечтала о пышной свадьбе с принцем. Белое платье, диадема, карета (в двадцать первом-то веке!), кольца бы держали на подушке с привязанными воздушными шарами, и другая лабуда, от которой возникали только рвотные позывы. Родители обещали малышке, что у меня это пройдет – не прошло.

Мне двадцать семь лет, а я так и не замужем. По меркам общественности, это даже могло быть нормальным, если бы не тот факт, что у меня и парня-то никогда не было. Они никогда не бегали за мной, а я уж давно. Тот раз на выпускном и пара случаев в общежитии колледжа в темноте и под одеялом, стесняясь обнажиться и боясь разбудить соседку, не произвели впечатления, которым делились одноклассницы друг с другом. В конце концов, я чувствую себя героиней из «Амели»[2], понимая, что не одинока в этих мыслях, да и мне достаточно лучшего друга-идиота, чтобы чувствовать себя более-менее комфортно.

Ладно, вру! Три года назад выпила лишнего и потехи ради установила Tinder, написав случайному незнакомцу, у которого на аватарке не стоял член, и сам он был похож на американца, хотя бы на первый взгляд. Но из этого ничего хорошего не вышло, мягко говоря, и после этого нет желания вообще пробовать, если и так отличненько живётся с ящерицей Кэнди и распланированным графиком выхода фильмов, сериалов и книг.

– Что-то мне нехорошо, пойду в комнату.

Вылезаю из объятий Пат и, пока никто не успел очнуться от радости, исчезаю в коридоре, избегая по лестнице, стараясь не смотреть на стену сбоку, где развешены фотографии нашей семьи – я уверена, на них бы были осуждающие взгляды. Блокирую дверь на случай вторжения «инопланетян», кидаюсь на кровать с одной лишь целью – погрузиться в музыку. Натягиваю наушники и врубаю до упора. Одна песня сменяет другую, становится чуть легче – помогает растерять себя в мелодиях и словах, которые проникают в каждую клеточку, блокируя другие мысли. На The Humbling River у меня непроизвольно текут слёзы. Я не из слабых, но что-то в этом вечере ломает меня, и всхлипываю так громко, как получается, не стесняясь, что из домашних кто-то услышит. Так и засыпаю: с распухшим лицом, в одежде и наушниках.

Если меня кто и хотел добудиться, то у них это не получилось. Или настолько снова всех расстроила, что решили игнорировать моё существование? Каждое движение отзывается болью в теле, всему виной неудобная поза, но как хорошо, что сегодня выходной и не надо бежать на работу в магазин – точно бы ничего не вышло.

Может, уволиться и свалить на все четыре стороны? Чтобы никто не нашёл следов и не пришлось бы до скончания веков слушать, какая я плохая и безответственная – не даю строить жизнь ни себе, ни людям вокруг. Плевать, пошло оно всё!

На телефон приходит сообщение от Пат: «Лор, у меня для тебя сюрприз! Приходи в кафе «Дыра комиксов» в 18:00. Отказы не принимаются, хохохо». Мы до сих пор живём в соседних комнатах, но она время от времени пропадает с Кеннетом то тут, то там, а я занимаю площадь в доме родителей на постоянной основе, создавая себе буфер в виде еды, кровя над головой и постоянного нудения насчет свадьбы. А ведь родители уже пару месяцев не нарушали покой предложением познакомиться с очередным сыном друзей.

Непроизвольно улыбаюсь, представляя Патрисию. Да, я самая ужасная сестра на свете, но Патрисию всегда меня балует: то коробкой комиксов, то книгами, то дисками на blu-ray с полной антологией любимого сериала. Вот бы нам поменяться местами, и никаких проблем. Она бы не страдала, а я жила бы себе спокойно в роли младшей дочери.

На часах только 11:34. Могу проваляться полдня в кровати и посмотреть серии, которые вчера пропустила из-за того, что была размазнёй. Пульт от телевизора сразу попадает на глаза, спасая меня от лишних размышлений. Теперь только я и он.

Время пролетает незаметно, даже приходится собираться впопыхах: надеваю растянутые лосины и толстовку с историческими пятнами, которая может рассказать чуть ли не больше обо мне, чем я сама. Слава богу, Пат наплевать, как я выгляжу, а то бы снова пришлось выслушивать нотации о моём внешнем виде.

Бросаю в рюкзак телефон и кошелек на фразе: «To be continued», и вылетаю из комнаты, пробегая через пустой дом. Лечу как Флеш до остановки в паре домов от нашего без зонта под проливным дождём. Лишний раз вспоминаю, что так и не получила права из-за своей амаксофобии – ну не могу я управлять транспортным средством, хотя с ролью пассажира справляюсь на «отлично». Такси тоже не вариант – платить приличную сумму за несколько кварталов выше моих сил. И сегодня, как назло, автобус закрывает двери прямо перед носом.

– Урод! – вылетает изо рта ругательство, и меня мгновенно обливает машина, пролетающая следом, с ног до головы из чёрной лужи с примесью окурков. – Вот ты...

От дальнейших обзывательств спасает мысль, что в кафе Пат подарит нечто особенное. Хотя, казалось бы, сейчас я последняя, кто это заслуживает.

Приходится идти пешком минут десять, прикрывая голову рюкзаком, хотя это не имеет смысла – я уже насквозь сырая. Надеюсь, что кожа сумки спасёт ценные вещи внутри от дождя.

Когда я захожу в кафе, обувь хлопает, а с одежды течёт чуть ли не ручьём. Не оборачиваются на меня только если слепые. Даже не знаю, насколько плохо выгляжу, однако взгляды окружающих красноречивее любого зеркала. Если меня не приняли за бездомную, то уж за полоумную точно.

Хозяин по-дружески кивает, уже совсем не удивляясь тому, в каком виде я могу прийти в кафе. Уж он-то успел увидеть меня всякую: и после многочасовых рыданий над финалами кинокартин, и после бессонных ночей, и после Хэллоуина без снятого грима. Для него я стала чуть ли не таким же экспонатом и фигуркой, что стоят на полках кафе и под витринами с различными персонажами из киновселенных и культовых фильмов.

Кеннета замечаю раньше Пат, потому что он встаёт со своего места, а в его взгляде читается... Отвращение? Что ж, тоже удивил!

Неспешно подхожу ко столу, стоит встать и подо мной образуется приличная лужица с одежды и, вероятно, вытекающая из кроссовок.

– Милая! Что с тобой случилось?

Протягиваю руку. Сестра не боится вляпаться в грязь и сжимает моё запястье. Кеннет отходит, и я уже хочу мысленно его обругать, но он услужливо возвращается с несколькими полотенцами, которые достал для меня Арни – хозяин ресторана.

– Не стоило... – смущение почти отражается на лице.

– Перестань, Лорин – мы семья, – Кеннет улыбается так, словно это я его избранница.

– Так о чём ты хотела поговорить, Пат? – перевожу тему в поисках «спасательного круга». Голова раскалывается от одной только мысли о свадьбе. Разревусь сейчас ещё перед ними, чего доброго.

– Извините за опоздание! – неожиданно слышу радостный голос сверху.

Поднимаю взгляд и вижу его. Не сразу доходит, кто это, потому что рассматриваю парня по частям: вот бомбер, свободная майка с глубоким вырезом, большие губы, курносый нос с небольшой ямкой на конце, густые русые волосы, светлые глаза. Щёки полыхают костром, я вскакиваю с места и выплескиваю на этого «незнакомца» содержимое стакана со стола.

– Дорогая моя, я ещё даже не завёлся, можно было и не охлаждать! – он стирает капли с лица одним лёгким движением руки и пробует на вкус. – Хотя яблочный лимонад тут просто бомба!

Он изучающе на меня смотрит, по его одежде продолжает стекать вода, а он даже не отряхивается, словно этого недоразумения между нами и не было.

Длинные руки хватают за толстовку и притягивают к себе. Его губы так близко, что в первые секунду перехватывает дыхание – не привыкла я к такой близости с незнакомцами. Но важнее даже не то, что я нахожусь с ним так близко, а то, что не могу вырваться из плена его губ, открытой шеи со слегка вздувшимися венами и запаха парфюма с нотками эвкалипта и бергамота.

– Лорин, поиграем? – чужой рот словно вбивает эти слова в меня, заставляя напрячься ещё сильнее.

[1] – Персонаж из сериала «Как я встретил вашу маму»; речь идёт об одной серии, когда друзья узнают, что он всегда получается идеально на фотографии, чтобы они не сделали до момента съёмки.

[2] – Главная героиня фильма «Амели»; так же, переспав несколько раз с женщиной, не нашла ничего особенного в этом занятии.

Часть 2. Лорин Хорн. Выигрыш, проигрыш или ничья?

Первое, что я делаю – отталкиваю парня подальше от себя. Выходит не очень сильно, но вполне достаточно, чтобы он удивился такому повороту и отпустил мою кофту. В том месте, где он держал, горит кожа, да чего уж там – я вся пылаю от ненависти к этому субъекту. Чего только стоит эта его улыбочка а-ля Король Вечеринок и всех девичьих тру... сердец.

– Лорин, что ты делаешь? – впервые слышу в голосе сестры прямое неодобрение, а на лице отражается злость, которая ей тоже несвойственна. Несколько вопросов в голове не дают покоя, но самый главный: «Какого хрена здесь происходит?».

– И это ты у меня спрашиваешь? – в моём голосе наверняка слышатся истеричные нотки. К слову, всё кафе не только нас слушает, но и повернулось в ожидании предстоящей драмы – не каждый день такое устраивают в людном месте, особенно потому что это считается семейным кафе или исключительно фанатским. Бросаю беглый взгляд на зал и замечаю, как детки, ударяя фигурками супергероев, имитируют нашу разборку, а мамочки, качая головой, пытаются их успокоить, развернув ко столу. А мне здесь и сейчас нужна кровь этого парня, а лучше, чтобы на него напал обезумевший зомби и сожрал с потрохами. Прямо у меня на глазах.

– Да, у тебя!

Губы Пат кривятся, отчего всё лицо становится больше похоже на гримасу, чем на личико куколки Барби. Я замечаю, как она сжимает в кулаках приборы, видимо, забыв со всеми событиями, что ела. Да собственно я за свою жизнь тоже переживаю, не хватало ещё тут восстания Чаки. Но больше я слежу за любым его телодвижением: пусть только рывнется, я сама на него наброшусь. А он только сильнее натягивает лыбу, тем самым, я уверена, издеваясь надо мной.

– А ты вообще заткнись, антипод мужчины!

– Можно проявить хоть каплю уважения к моему брату – Лукасу? – неодобрительно заявляет Кеннет, слегка привставая со стула и садясь обратно, когда на нас снова поворачиваются люди. От такого поворота я бы точно упала, если бы не крепкие мужские руки, которые усаживают на подставленный стул. Голова идёт кругом, закрываю глаза – здесь точно где-то должно быть камеры. Или как мне объяснить весь этот балаган вокруг? Я ведь точно должна быть в ток-шоу, ну чёрт, в жизни такого не происходит – мы же в Мичигане.

– Ло, послушай... – кто-то касается руки, не нахожу в себе сил отдернуть её, но хотя бы напрягаюсь для защиты. – Не знала, как тебе это предложить, и всё идёт, к сожалению, не по плану...

– Да говорите ей уже как есть, ведь видите – лучше ей не станет. Если уж вводить в состояние овоща, то сразу, – снимая сырой бомбер и вешая на спинку стула, говорит Лукас. А я вот знаю его совсем под другим именем, чёртов осёл.

Старший Мэй возникает за спиной и накидывает снова полотенце на плечи, которые успели упасть, пока я тут проявляла себя актрисой плохой мелодрамы, и даёт второе, чтобы я вытерла лицо или волосы, которые даже мне кажутся сейчас отвратительными.

– Лорин, мы с Патрисией просим тебя сделать нам небольшое одолжение – выйди замуж за моего брата, – секундное молчание нарушается продолжением: – Фиктивно, конечно.

Глаза не только лезут на лоб, они прям бегут, а в горле пересохло; вырываю стакан из рук Пат и пью, даже не заботясь о том, что течёт по подбородку и на кофту, пока Кеннет продолжает, игнорируя напрочь моё состояние:

– Поживёте пару лет вместе, он ничуть тебя не стеснит – у него свой дом, и ему даже необязательно жить вместе с тобой.

– Да как же я без моей невестки? – рука Лукаса продвигается по столу в мою сторону, словно Вещь. [1]

– Ещё движение, и ты труп! – так сильно сжимаю стакан в руке, что он трещит.

– Кен, так и знала, это была плохая идея... – Пат тербит салфетку в руках, избегая взглянуть на меня. А я-то вот очень бы хотела посмотреть и спросить, о чём она только думала, придумывая такой план.

– Нет. Постой, милая! – новоиспечённый женишок кладёт руку на её ладонь в жесте успокоения. Меня бы кто успокоил изрядным количеством искромётного юмора Макс [2]. – Лорин, ты не подумай: мы не обманывали, когда сказали, что будем ждать, сколько понадобится, но...

– Он просто хочет её трахнуть и сделать детишек, – вставляет свои пять копеек младший брат, ковыряя трубочкой в стакане, шевеля кубики льда. Когда ему успели принести коктейль? Кажется, я двигаюсь в другой вселенной и по другим законам.

– Лукас! – вскрик Кеннета приводит меня в чувства, а вот у мерзавца так и не сходит улыбка с лица.

– Какой ему... – подчёркиваю последнее слово и кидаю взгляд на сосунка. – ... прок жениться на мне и играть роль для наших родителей?

Во мне появляется хоть крупница разума, только вот от неё загораются глаза у Пат, и это чувство больно колет в груди.

– Вообще-то ты могла обратиться ко мне напрямую, не чужие же люди.

Он разворачивается ко мне всем телом, когда я бросаю на него злой взгляд и замечаю, как из-под его майки выглядывает сосок из-за низкой проймы. Отчего сразу отворачиваюсь, слегка краснея – я привыкла к обнаженным телам, но на экране, исключительно на экране.

– Замолчи, когда сопляков спросят – ответишь!

– У дворовой кошечки острые коготки, – усмехается тот, отпивая коктейль.

– Она права, Лукас! – говорит Кеннет, а обращаясь ко мне: – Потому что, как старший ребёнок в семье, я буду распоряжаться наследством, за что брату и отойдёт приличная сумма. «Вот почему в нашей семье нет такой традиции?».

– То есть в вашей сделке, выигрывают все, кроме меня?

Лукас смеётся, хоть кто-то здесь понимает всю иронию происходящего.

– Что ты хочешь, Лорин? – устало спрашивает Патрисия. – Мне кажется, теперь и я заслужила что-то от тебя. Не долго ли терпела все твои выходки и желания?

Она права: я всю жизнь была эгоисткой и издевалась над ней, говоря, что её мечта не исполнится – не будет идеальной свадьбы и оравы детишек. Да не могу я представить даже саму идею выйти замуж, а уж тем более за него.

– Хочу, чтобы вы оставили меня в покое: и ты, и родители.

– Выйди за Лукаса замуж и через два года, а, может, и раньше, будешь свободна. Мы каждый год будем покупать тебе билет на комик-кон в Сан-Диего, диски, статуэтки... Скажи, что ещё сделать? Я хочу быть с Кеннетом и ни от кого не прятаться по углам. И не хочу, что на нашу семью...

Хочет она того или нет, но её фраза бьёт по больному. Выскакиваю из-за стола, хватая свои вещи и не замечая новых взглядов со стороны, и выбегаю из кафе – не нахожу слов, хотя скорее бегу из-за страха. Из-за страха увидеть несчастное лицо сестры или согласиться на их предложение? Двадцать семь лет, а ума в таких вещах как у подростка. Хорошо хоть рюкзак захватила, а то пришлось бы возвращаться – стыда не оберёшься.

Это всё надо обдумать, но не на такую дурную голову – нужно успокоительное и тихое место, чтобы решить и не заказать киллера для всех вокруг. Пробегаю несколько десятков метров, прячась за домом и поглядывая на выход из кафе, увижу хоть кого-то из той братии и побегу ещё дальше. Набираю единственный номер, который знаю наизусть, и говорю:

– Код 10-34. [3]

– Код 10-4 [4], – незамедлительно отвечают на другом конце провода. Сразу же после этого отключаюсь – больше говорить не о чем, скоро я уже буду на месте.

Подхожу к дороге, боясь, что никто не возьмёт в таком виде в салон. Поэтому стараюсь выжать волосы и оттереть с лица и одежды грязь, систематически стопая проезжающие машины и оглядывая назад. В конце концов, я ловлю такси и называю адрес.

«Ничего страшного, потрачусь», – затыкаю внутреннего жмота, а все мысли теперь только о нём. Правильно! О сериале «Как я встретил Вашу маму».

Прошу таксиста прибавить газу, даже секунды, проведённые в одиночестве в такой ситуации, вгоняют в уныние, а это ничем хорошим не обернётся – топом самых грустных фильмов на свете. А я категорически избегаю таких периодов. Хотя список фильмов отменный.

Машина останавливается у многоквартирного дома совсем не в бедном районе, передаю деньги и устремляюсь к домофону. Нажимаю на кнопку вызова и там, не спрашивая: «Кто?», незамедлительно открывают. Улыбаюсь, в этом весь он.

Подняться на четвертый этаж не составляет труда, что-то, а вот выносливости мне не занимать – новые альбомы любимых исполнителей прослушиваю исключительно во время беговой тренировки. Дверь квартиры уже открыта, проскальзываю внутрь, на ходу развязывая шнурки, в коридоре появляется знакомая рыжая шевелюра друга, Тоби Харриса:

– Эл, чао! Я вот смотрю на твою толстовку... Снова вляпалась в историю? – он единственный, кому я позволяю так себя называть, но мои ассоциации с этой вариацией обращения не меняются.

– Привет, Кира.

Один кроссовок уже слетел, а второй сопротивляется давлению.

– Опять ты за своё? – его каждый раз бесит отсылка к «Тетради смерти» – не понимает, насколько это важно, насколько я его ценю.

– Да прекрати, Тоби! У меня был просто отвратительный день, – он пытается что-то вставить. – И прежде, чем я тебе расскажу обо всём, нужны, как минимум, три серии. Всё готово?

– Обижает в собственном доме! – это, конечно, звучит несерьёзно, потому что на губах играет хитрая улыбка ирландца, а скорее – лепрекона, который нашёл второй горшочек золота.

– Тогда погнажи.

Скидываю второй кроссовок вместе с носком и плюю на это – потом надену. Проходим в гостиную, размером со среднюю квартиру, но с минималистичным дизайном, на стене красуется заставка сериала, собранная из нескольких экранов телевизоров. Только сегодня, обводя глазами интерьер, обращаю пристальное внимание на то, что Тоби действительно богат, такое чувство, что до этого я об этом не имела представления. Плюхаюсь на кожаный диван, немного рассыпая миску с поп-корном, отчего парень только улыбается:

– Так и знал, что это ты! А то мне постоянно в жопу зёрна упираются, – его лицо, когда он улыбается становится ещё круглее, словно он Чеширский кот.

– Меньше сидеть голышом надо, а вообще – цыц!

Нажимаю на play, и мир немного приходит в порядок: звучит голос Теда [5] и возникают его детки – я вовсе забываю обо всех сегодняшних событиях. Когда заканчивается третья серия, Тоби выхватывает пульт из рук и выключает экраны, и замечаю только после того, как это происходит, чувствуя, что теперь я сжимаю только пустоту.

– Рассказывай! На этот раз явно не такое безобидное, – его лицо на минуту становится серьёзным.

– Всё как обычно: пытаюсь захватить мир. [6] Ладно-ладно, не кипишуй! Патрисия и Кеннет хотят пожениться. Он сделал ей предложение, прикинь?

На лице Харриса отображается удивление и страх: он знает, что это значит. Мы знакомы много лет, поэтому такую тему обойти было очень сложно. Особенно если учесть, что после каждого напоминания семьи об этом условии проживания дома, я срывалась и ехала к нему заниматься тем же, что и сейчас. Тоби и сериалы – лучшее лекарство на Земле.

– И что дальше? – он явно чувствует, что это только верхушка айсберга.

– Они сделали мне предложение, от которого невозможно отказаться. [7]

– Господи, Лорин, прекрати говорить цитатами! – он злится, а за Тоби я тоже не наблюдала таких черт – видимо, сегодня день удивлений. Я нервно елзю по коже, пока он смотрит на меня и ждёт ответа – тут явно не так уж и просто собраться.

– Принимая их предложение, я должна выйти замуж за брата Кеннета и через пару лет развестись, а они смогут жить себе припеваючи.

Он отшатывается от меня, словно я зарядила ему пощечину, и как будто тон его лица становится не белым, а белёсым. Его руки сжимают пульт, и корпус пластмассы поскрипывает от силы.

– И что ты ответила? – чуть выдыхая, спрашивает Тоби, уставляясь прямо мне в лицо.

– Как тебе сказать... Убежала, – вспоминаю лицо мерзавца-Лукаса и непроизвольно сжимаются кулаки.

– А ты в своём духе! – смеётся невесело Тоби.

– И это не самое страшное. Брат Кеннета – тот самый тип, с которым познакомилась в tinder.

Харрис несколько секунд смотрит на меня, проверяя шучу я или нет, а потом, забывая о предыдущей информации, падает на диван в приступе истерики, еле сдерживаясь, чтобы не заорать во всё горло. Его лицо краснеет, и я уже боюсь, что он сам себя убьёт.

– Ло, ты меня сейчас ... добьёшь, – сквозь слёзы проговаривает он. Я не злюсь, но для него-то это шуточки, а для меня – жизнь. – Тот самый, что забронировал место в дорогом ресторане, назаказывал разных блюд, а потом ушёл в туалет, сказав, что ему нехорошо, и исчез?

– Да, тот самый... – события всплывают перед глазами, от которых я бы хотела избавиться раз и навсегда. На мне фиолетовое платье на бретельках, на столе горят счечи, а через их пламя я рассматриваю...

– Тот, кого ты ждала час, а потом ещё и заплатила за ужин? – прыская, выдавливает из себя Тоби.

– Да-да, Тоби, тот самый!

Он сжимает губы, чтобы не засмеяться, но у него это, мягко говоря, плохо получается.

– Ты – ангел смерти, я сегодня точно умру!

– Пока ты тут снова не впал в истерику, дай мне, во что могу переодеться.

– Да, хорошо, – давясь смехом каждую секунду, уходит к шкафу Тоби.

– Держи! – Харрис протягивает спортивные штаны и клетчатую рубашку, пытаюсь скрыть усмешку – теперь он понимает, что я нихренашечки не выйду замуж, но и не посмеяться над таким совпадением он не может. – Где ванна, знаешь.

Не достаиваю его ответа и иду по коридору, а в закрытом пространстве боюсь заплакать – вот чего уж точно не хватало этому дню. Снимаю с себя толстовку и лосины, возникает желание даже выкинуть их, хоть и успокоилась, я всё равно ничего не решила, что делать дальше, а эти голубки точно с меня спросят.

– Ну что за жизнь такая? – спрашиваю сама себя, смотря в зеркало.

Лицо какое-то одутлое, подглазины небывалых размеров, сухая и обветренная кожа выглядит неживой, а волосы топорщатся в разные стороны. Когда я успела в это превратиться? Кидаю себе в лицо пригоршню холодной воды и становится чуть лучше, а потом взгляд опускается на тело: замечаю лишние дюймы и то, как висят некоторые места, но мои размышления, слава богу, прерывает голос Тоби:

– Эл, а случайно брата Кеннета зовут не Лукас? – кричит он через дверь, перекрикивая шум воды.

– Да, а что? – выключая воду, произношу я, и в отдаленной части сознания это рассматривается как не очень хороший звоночек.

– Тогда тебе срочно надо на это взглянуть, – голос Тоби серьёзен, строг и... напуган? Это только подталкивает побыстрее натянуть одежду и открыть дверь, испытывая поганое чувство дежа вю – он опять решил испортить мне жизнь.

[1] – Персонаж из «Семейка Адамс»

[2] – Персонаж из «Две девицы на мели»

[3] – Десятичный код АРСО, означающий «Нужна помощь»

[4] – Десятичный код АРСО, означающий «Сообщение принял (ОК)»

[5] – Персонаж из «Как я встретил вашу маму»

[6] – Знаменитая фраза из «Пинки и Брейн»

[7] – Знаменитая фраза из «Крестный отец»

Часть 3. Лорин Хорн. Эгоист

Распахивая дверь ванной и на ходу застёгивая пуговицы на рубашке, я врезаюсь в грудь Тоби. От него приятно пахнет сырным попкорном, а ещё его запах, смешанным с порошком, чем наверняка теперь пахнет и от одежды, что на мне. На лице Тоби гамма эмоций, только вот она цвета ненависти. А моя – волнения и страха.

– Что ты хотел сказать? – чуть не заикаясь, произношу я, и щёки слегка краснеют, когда он обращает внимание на то, что я не до конца застегнулась и видно нижнее бельё. Тоби легко отворачивается, скулы которого напрягаются, вызывая в душе очередные сомнения.

Я не знаю, как точно интерпретировать это. С Тоби вообще довольно сложно: когда он становится задумчивым или говорит о чувствах ко мне, которые я предпочитаю не замечать. Во мне каждый раз появляется страх: не могу я потерять его в качестве друга, поэтому каждый делает вид, что всё в порядке. И большую часть времени у нас это выходит, стало, так сказать, неписанным правилом, но вот такие вот взгляды выбивают меня из колеи.

С момента предложения Кеннета всё меняется, а уж появление Лукаса – отдельная история. Я обращаю внимание на те вещи, которые от меня были скрыты: считала их недостойными своего времени. Ведь сериалы сами себя не посмотрят, а книги не прочитают.

– Показать, – поправляет он. – Вот это.

Протягивает свой MacBook, на котором замечаю страничку на twitter. Когда до меня, наконец, доходит, чья она, я уже красная как рак. Эти твиты вгоняют гвозди один за другим в моё тело, в своём воображении на мне нет живого места. Каждое слово больно бьёт в самые уязвимые места.

Аккаунт @youghero, за которым скрывается Лукас Мэй, пишет:

«Друзья, кто в городе, и все незнакомцы, которым будет до меня дело, нужна ваша помощь! Пару минут назад из кафе «Дыра комиксов» сбежала моя девушка, одетая в фиолетовую толстовку с изображением персонажей Гравити Фолс и чёрные лосины. Если вы её видели, незамедлительно свяжитесь со мной».

– Ну, не всё так плохо, как может быть... – еле выдавливаю из себя признание.

Замечаю число ретвитов – становится дурно. За какие-то пару часов я стала звездой этого города – у него оказывается много друзей. Тело пробирает дрожь, когда перечитываю сообщение ещё раз и вижу местоимение «моя» перед словом «девушка».

– Моя? Что? Я убью его!

Тоби нервно топчется на месте, и я прям жопой чувую, что он что-то не договаривает.

– Выкладывай.

– Это не единственный твит, Лорин...

Боюсь представить, что он пишет в следующих – надо сесть, а лучше выпить чего-нибудь покрепче. Веду курсор выше и вижу фотографию – на ней я и подпись: «Кто видел моё сокровище?».

Когда он только успел меня сфотографировать? При ближайшем рассмотрении нахожу эту фотку не только неуместной, но даже оскорбительной. Надо же было так снять, чтобы видны были вторые подбородки, складки на животе и отвратительный внешний вид – прям талант.

– Мелкий ублюдок, ему явно жить надоело!

Дохожу до стола столовой, которая находится смежно с гостинной, кладу ноутбук и иду к бару. Тоби, как собачка, следует по пятам, но ни слова не говорит, чем делает всё только серьёзнее – его юмора сейчас мне, действительно, не хватает. Хотя что тут скажешь? Беру стакан из шкафчика и наливаю себе текилу, побольше текилы, кидаю лёд из холодильника,

на ходу оживляя телефон. Тоби искоса поглядывает за мной, предпочитая не попадать под горячую руку, но готовый прийти, если понадобится.

И прежде, чем увижу, что на нём, выпью. Осушаю стакан в пару глотков, немного морщась, и снимаю блокировку – десятки сообщений: от сестры, от друзей, от незнакомых людей, которые нашли меня, благодаря ему, а самое главное – от него, по крайней мере, я так думаю. Сообщений всего два: примерно в то время, когда исчезла из кафе – «Я тебя найду» и совсем недавно – «Тук-тук, я на месте. Выгляни в окошко». Не может быть: для того, чтобы найти меня, ему понадобилось чуть меньше двух часов, и это в огромном городе!

Наверно, всё отображается на лице: Тоби оказывается рядом и, видимо, читает вместе со мной сообщение через плечо. Тут у всех в порядке вещей нарушать личное пространство и свободу? Меня прошибает холодный пот, по спине бегут мурашки:

– История набирает забавный оборот, – произносит он с лёгкой улыбкой, которая мгновенно исчезает. Чего его так всё веселит?

– Издеваешься? Моя жизнь рушится, а ты умудряешься ещё подложить динамиту перед взрывом, – стараюсь подавить в себе желание отойти от него на пару шагов, испытывая какое-то разочарование. Мне нужна поддержка, а не вот это.

– Прости, Эл. Пытаюсь свести в шутку, но как-то не выходит.

Рука Тоби оказывается на моём плече.

– Какие тут шутки? Он начал вендетту, а сейчас Лорин нанесёт ответный удар. [1]

Направляюсь к окну, поднимаю жалюзи и вижу на другой стороне улицы машину, на которую облокотился высокий парень и курит. Конечно же, этим субъектом оказывается никто иной как Лукас.

Я наверняка прожигая в нём хорошие такие дыры. И он, поднимая взгляд на окно и замечая меня, улыбается, а потом, бросая сигарету в рядом стоящую урну, указывает пальцем вниз, чтобы я спускалась. Отмечаю, что на нём коричневый плащ, который усердно что-то напоминает. И в ту же минуту он поднимает над головой древний магнитофон, включая на полную мощность – играет композиция Питера Гэбриэла «In your eyes». [2]

– Какой пафос! Он точно решил тебя завоевать, классика восьмидесятых, – над головой ржёт Тоби. – Я-то уж подумал, что он полный нуб в твоих интересах. А романтика-то бьёт ключом.

– Только вот не из того места.

Показываю средний палец Лукасу и отхожу от окна, телефон пиликает в ту же минуту. С того же неизвестного номера: «Спускайся сейчас же по-хорошему, нам надо поговорить, или я продолжу писать о тебе. Уже видела или пропустила всё веселье? ;)»

От этой истории будет сложно отмыться. Люди так и будут норовить показать пальцем, а если он продолжит, то будет клеймом на всю жизнь – это последнее, что нужно для тихой жизни, к которой я стремлюсь. Телефон снова вибрирует: «У тебя минута», следом: «Шестьдесят», «Пятьдесят девять». Мобильник издаёт звуки каждую секунду, пока я бегу в коридор, натягиваю кроссовки и хватаю рюкзак. Уже хочу выскочить в подъезд, но Тоби загораживает дорогу.

– Куда ты собралась? Не будь душой, он же играет с тобой!

– Это не игра! – пытаюсь оттеснить его в сторону, но ничего не получается. – Тоби, у меня нет времени сейчас на это, поговорим позже, лады?

Нервы на пределе. Кажется, что они сейчас лопнут, как старые струны. Харрис отходит со словами:

– У тебя никогда нет времени на важные разговоры.

Может, меня и задевают эти слова, но проскакиваю в открывающуюся возможность и говорю сама себе: «Я подумаю об этом завтра» [3]. Но его щенячье выражение приклеивается

ко мне, как злополучный стикер. Он прав, мои мысли всегда ограничиваются своим спокойствием, своими мыслями, своими невзгодами. Как он со мной только дружит?

Телефон всё ещё издаёт звуки, значит – успеваю. Не с первой попытки открываю тяжёлую дверь и, можно сказать, вываливаюсь на кого-то.

– Один, – раздаётся голос совсем рядом. – А ты успела. Теперь понял, как подстегнуть тебя, малышка!

Крепкие руки сжимают моё тело, его сердце бьётся размеренно и спокойно. Слишком спокойно. Задумываюсь над тем, не псих ли он? Он хватает за запястье и тянет через дорогу к машине. Я настолько не в себе от происходящего и близости чужого человека, что ничего не делаю – только переставляю ноги, которые плохо слушаются. Ещё немного и я упаду, а он, как дементор [4], высасывает из меня все силы. Лукас ставит меня у машины как будто неживую. Когда рука исчезает из ладони, становится свободнее, но какой-то осадок внутри не даёт покоя.

– Зачем ты это делаешь? – выскакивает у меня, а от его изучающего взгляда становится ещё неуютнее.

– Мы должны пожениться, Лорин. Я привык добиваться своего.

– Но...

Лукас, перебивая, хватается за плечи и прижимает теснее к тачке. Металлический корпус холодит спину даже через ткань толстовки Тоби в то время, как жар тела заставляет думать о чём-то другом. Его лицо слишком близко, он проводит рукой по щеке, и это выводит из состояния оцепенения. Отталкиваю и сжимаю его руку со всей силы, слышится хруст в костях.

– Нарушаешь зону комфорта! – вместо спокойной речи получается какое-то змеиное шипение.

– Как иначе, если ты моя невеста? – он даже не пытается выбраться из захвата, но уверена, что для него это сущий пустяк.

– Я тебе не невеста, – отбрасываю руку в сторону, как мусор.

– Ещё нет, – ненавижу эту его ухмылку. – Так у кого это ты там была?

Окидывает взглядом, отмечая внешний вид, точнее перемены в нём:

– Ещё и переделалась, как мило, – что-то, непонятное для меня, проскакивает во взгляде и почти сразу исчезает.

– Не твоё дело!

А он резко переводит тему, что и радует меня, и расстраивает где-то в глубине души:

– Садись в машину, отвезу домой.

– Сама могу добраться!

Однако стоит сделать шаг в сторону:

– Не заставляй повторять дважды: могу быть убедительным и по-другому.

Этот взгляд дьявола мне не нравится, но я не хочу выглядеть слабой перед двадцатилетним. Или сколько ему лет?

– Засунь свои угрозы, знаешь куда?

Делаю ещё два шага в сторону, наплевав на предостережение. Лукас грубо разворачивает за плечи и целует. Его сухие властные губы упираются в мои. Я настолько ошарашена таким поступком, что каменею, а ему удается почти мгновенно открыть дверь и засунуть меня на заднее сидение. Забываю, как дышать. Разве вообще могу это делать?

Лукас хлопает дверью и, заводя мотор, выжимает газ. Мы несёмся на скорости, выше допустимой, но это последнее, что меня интересует. Он не только позарился на мою свободу, но и на личное пространство. Нет никакого желания смотреть на него и даже разговаривать. Внутренности сжимаются так, что превращаются в кашу, и только это позволяет не заплакать. Только не при нём! Смотрю на рубашку и на ней всё так же не застегнута часть пуговиц, на это нет сил. Мой заряд исчерпался.

Это его действие заставляет вспомнить, что он привлекателен и сексуален, каким и казался тогда в ресторане. До того, пока не бросил меня одну; до того, пока не заставил ненавидеть и не верить больше мужчинам. Снова.

Закрываю глаза и вспоминаю часть нашей переписки, хотя кого я обманываю? Я же не Дуглас Куэйд [5], чтобы восстанавливать свою память, чтобы найти ответы на вопросы – к сожалению, я помню всё.

О том, как рассказывала о своих любимых фильмах, сериалах и книгах; как много и легко шутила, потому что он казался таким другим, нежели сейчас, – открытым и мечтательным; как он присылал фотографии, показывая свою коллекцию фильмов в зеркальном стеллаже и как я долго рассматривала его самого в отражении. Его полуобнаженное тело с мокрыми волосами, полотенцем на плечах и в одних только шортах, которые держались на честном слове. Помню даже сейчас его торс и изгибы, и сон, где всё это было так близко, придавливая меня к кровати – я хотела, чтобы это было правдой. Что он действительно интересуется мной, хочет чего-то большего, нежели переписки в чате, но...

Но все мечты, как и всегда, разбиваются об айсберги. И этим куском льда стал его побег из ресторана. Сначала хотелось, чтобы и это было тоже частью сна, и ведь подтверждалось тем, что он не пишет и не звонит. Только вот проверив приложения, я находила всё те же доказательства того, что он реален и заходит в сеть, а потом, разозлившись, удалила всё, что могло напомнить о неудачном опыте.

Только вот я помню его фотографии слишком хорошо – не может быть ошибкой, это он. Тот, кого я ненавижу, и вот он снова в моей жизни, и это чувство вернулось с новой силой, словно случилось всё только вчера.

Как Мичиган настолько тесен, что из всех возможных вариантов именно он оказался братом Кеннета? Как я могу согласиться на их авантюру теперь? Это же Лукас. Тот самый Лукас, который...

– Почему ты так себя ведёшь со мной? – спустя какое-то время интересуется он, не сводя глаз с дороги. Мне настолько стало наплевать, что легко поднимаю взгляд и нахожу его лицо в зеркале, и как между делом бросаю:

– А ненависть должна проявляться как-то иначе? – вопрос риторический, но его разуму этого не понять, и он снова задаёт вопрос:

– Что я тебе сделал? – почему-то с его лица даже стирается прищипанная улыбка, отчего он выглядит иначе – не похож на идиота. Состояние не позволяет использовать все свои театральные способности, поэтому выдаю только усталое:

– А ты не помнишь?

– Я не... – он пытается объясниться, но в окно неожиданно упираются чьи-то руки, отвлекая от признания. Оказывается, мы уже какое-то время стоим у моего дома, который теперь стал для меня хуже темницы с похороненными амбициями стать кем-то особенным, кем-то, кто не приносит вешалки в примерочные и уносит ворох одежды, снова возвращая каждую вещь на законное место. В какой-то другой реальности я бы стала тем, кем хотела, но, к сожалению, я не команда корректировки, чтобы менять события в жизни [6].

– Лори-и-ин! Я так волновалась! – через стекло просачивается голос сестры, и люди вокруг – последние, что хочу видеть.

Вылезаю из машины, запахивая поплотнее рубашку. Когда закрываю дверь, Лукас тихо говорит:

– Я удалил твиты.

«Какая, к черту, уже разница? Хватит и того, что люди это видели», – хлопаю дверью, представляя, как его голова оказывается между и трескается, словно спелый арбуз.

Сестра хватается за мою ладонь, её тепло такое родное и привычное, что я отдёргиваю руку вверх, по неаккуратности задевая по щеке Пат – сейчас мне не нужна эта жалость, а тем более разговоры по душам:

– Поговорим утром.

Мне не стыдно за себя, а, кажется, должно быть. Я сбегая из кафе, прячусь у Тоби, используя его, снова грублю Лукасу, которого облила водой – могла ли я всё же его перепутать? – и, в конце концов, ударяю Пат за её беспокойство. Больше, чем знаний о сериалах, во мне эгоизма, и с этим ничего не поделаешь.

На лестнице я замечаю маму, которая усердно что-то стирает с глаз, смотря в окно, в котором отлично бы просматривалась наша сцена с сестрой.

– Лорин! – голос отца отрезвляет меня всего на пару секунд прежде, чем я заносу ногу на первую ступеньку и быстро поднимаюсь к себе.

А в комнате возникает желание, как и вчера, лечь и заплакать, но на это нет сил. Дотрагиваюсь до губ и вспоминаю нежеланный поцелуй.

– Мой первый поцелуй за долгое время и ещё с ним... – стоит коснуться головой кровати, и проваливаюсь в сон, который не имеет смысла.

*** **

Просыпаюсь, и у меня чувство, что события полутора суток – это всего лишь затянутый и кошмарный сон. В окно светит солнце, на часах 10:46.

– Бог мой, проспала больше двенадцати часов, – закрываю ладонями глаза, издавая стон.

А это значит, что на два дня уже отстаю от своего расписания по важным делам. Спускаюсь вниз: Патрисия улыбается телефону, папа читает книгу, а мама копается в холодильнике – всё как обычно. И это даже у меня вызывает улыбку – всё в порядке.

«Это был сон, слава богу!»

– Дорогой, что будешь? – спрашивает мама, но папины губы не шевелятся, когда слышу:

– Не утруждайте себя, миссис Хорн, я уже позавтракал.

Дверца закрывается, и я вижу его.

– Доброе утро, Лорин! – лукаво подмигивая, говорит Лукас. Мне не удаётся ничего сказать, мама начинает трещать:

– Милая, почему не рассказывала о своём друге? Он такой замечательный: беспокоился о том, что ты не отвечаешь на звонки, – в глазах матери такой блеск, что вот-вот – и потекут слёзы от счастья. Боюсь устроить сцену перед родителями, хотя всё просто располагает к этому. Бросаю ненавистный взгляд на Пат, у неё выражение: «Я ни при чём», но это не уменьшает её вины. Это она привела его в нашу жизнь, вот пусть и соскребает со стенок, по которым размажу это говно.

– Ой, Лукас, ты так быстро справился со своей диареей и приехал?

Папа давится кофе, а мать укоризненно смотрит в мою сторону. «Если ты играешь нечестно, то и я буду», – мне был необходим перерыв, а сейчас я готова бить наотмашь, теперь-то посмотрим, кто кого.

– Ты стала готовить чуть лучше, или мой желудок уже привык, – отвечает задумчиво Лукас, но даётся это с трудом. Родители удивлено уставились на меня: они не идиоты и могут понять: такие фразы звучат от парочек, которые вместе живут, а при условии, что я, бывает, пропадаю иногда у Тоби, сопоставили сейчас факты. И их вердикт отображается на лице в виде улыбки – «У нашей дочери есть парень». Ещё немного и польётся шампанское рекой. И пока этого не произошло, подхожу к нему, беру за руку. Одно прикосновение к нему вызывает бурю эмоций и нежеланных воспоминаний. Шепчу:

– Ты, дерьма кусок, шевели булками и марш на улицу, – уже громко: – Выйдем на воздух подышать, завтракайте дальше, – никто не успевает сказать и слово. Он, тихо хихикая, позволяет вести его через кухню и выйти через стеклянные двери.

Уже на улице, когда отходим подальше от окон, прижимаю его к забору и толкаю в плечи:
– Какого хрена ты пришёл в мой дом?

Замечаю одну интересную деталь: на его правой руке повязка. Уж не пожалеть ли его?

– Не будь эгоисткой – дай нам шанс. Я привык добиваться своего любыми способами.

– Не хочу иметь с тобой дело, тем более – выходить замуж, – снова толкаю его в грудь, при соприкосновении с деревом он даже не морщится.

– Ты меня совсем не знаешь, – Лукас достаёт из большой куртки свёрток и протягивает мне.

– Что это?

Внутри образуется опасная бездна, в которую проваливается сердце.

– Моё предложение, от которого ты не откажешься.

– Очень сомневаюсь, – не раскрывая своих чувств, складываю руки перед собой.

– Мне самому открыть?

– Если это заставит тебя уйти – да.

– Ну что ж...

Руки умело распаковывают свёрток и внутри оказывается толстовка и лосины. Они очень похожи на мои вчерашние вещи, но я вспоминаю, что они должны быть у Тоби. Смотрю чуть внимательнее и вижу мои пятна. В голове складывается не очень хорошая картина, шестерёнки бегают. Эти вещи, разбитая рука... Не задумываясь, достаю из кармана телефон и набираю номер, но мобильник Тоби впервые за всё время выключен – на него это совсем не похоже.

– Что ты с ним сделал?

Как дура набираю снова и снова, но ситуация не меняется.

– Так ты дашь мне шанс? Или совсем не переживаешь, что стало с твоим дружкой, Тоби Харрисом? – вопросом на вопрос отвечает Лукас, смахивая с себя невидимые пушинки, когда я отступаю от него подальше. Боясь того, что он может сделать ещё. Я в третий раз спрашиваю себя: тот ли это человек?

[1] Отсылка к фильму «Звёздные войны: Империя наносит ответный удар».

[2] Отсылка к фильму «Скажи что-нибудь» в главной роли с Джоном Кьюсаком.

[3] Знаменитая фраза Скарлетт О'Хара из «Унесенные ветром».

[4] Существо из вселенной Гарри Поттера, которые питаются человеческими, преимущественно светлыми, эмоциями.

[5] Главный герой фильма «Вспомнить всё»

[6] Отсылка к фильму «Меняющие реальность»

Часть 4. Лорин Хорн. Идеальные незнакомцы

Простите, что отвлекаю вас от интересного момента, но я говорила ведь вам о том, что с предложением руки и сердца Кеннета всё изменилось? Это ерунда! Да я просто не знала о том, что будет дальше. А вообще, надеюсь, что сделанный вами попкорн в самом начале ещё незакончен, ещё много чего предстоит рассказать.

Жизнь стремительно несётся в неизвестном направлении, когда он снова произносит фразу, от которой тело превращается в сталактит, а язык теряет всякую активность.

– И что ты думаешь насчёт моего предложения?

Лукас достаёт пачку сигарет Kent 8. Не слышу, как щёлкает зажигалкой, а он, глубоко затягиваясь, выдыхает дым в мою сторону, отчего хочется закашлять. Но вместо этого размышляю над тем, что он натворил и где сейчас Тоби. Разум говорит отказаться и ждать, что будет, а сердце разрывается от мысли: кто-то пострадает из-за меня, особенно этот ирландец. Знаю, что была ему не лучшим другом, но сейчас-то могу исправиться, вернуть свой должок. Может, ещё пустят в рай для друзей, а то в аду для друзейффе* оказаться хочется в последнюю очередь.

– У меня есть выбор? – слова даются с трудом, потому что разум продолжает искать отступные пути, отчего становится стыдно.

– Милая, выбор есть всегда! Ожидал от тебя стопроцентной сговорчивости, или я не так понял ваши отношения? – подмигивает так, что я задумываюсь над тем, что он мог понять о нас. Неужели наши отношения очевидны всем, кроме меня?

Только сейчас замечаю, что тело сотрясает сильная дрожь, а на плечи легко опускается тёмная куртка. Его запах ударяет в ноздри, дурманя мысли, и вместо того, чтобы скинуть его заботу, глубже закутываюсь в одежду демона. Страшно поднять на него взгляд, но боковым зрением вижу, что он рассматривает меня и улыбается. Ему доставляет удовольствие играть со мной? Чего он только добивается? Так моего расположения точно не получить. Нервно покусываю губу, отчего выступает немного крови, только это не оставляет от дальнейших терзаний. Он касается подбородка, удерживая его между большим и указательным пальцем и оттягивая кожу немного вниз, чтобы я перестала проявлять нервозность.

– Так что ты выберешь, Нео? [1]

– К сожалению, красная... – и прежде, чем это сказать, я с силой сжимаю грубую кожаную куртку, ощущая его прохладные пальцы на коже. Я даже не в силах отшатнуться от него, от тягучего чувства, что появляется внизу живота, когда он так смотрит на меня. Пока моя кожа покрывается мурашками даже под курткой и на ногах, он как будто и не замечает прохладного дыхание ветра. А я смотрю, как на одном его плече оголяется ключица и нервно сглатываю, вспоминая фотографии из прошлого.

Позади нас хлопает дверь дома, оборачиваюсь, и это спасает меня от каких-либо ошибок. Пат направляется к нам.

– Пусть этот секрет останется между нами, – шепчет Лукас, разворачивая снова к нему лицом. Его нервозность во взгляде, которая пропадет так же быстро, как и появилась, пугает и настораживает – мне вот не нужны никакие секреты с ним надвоих.

– Родители уже беспокоятся за вас, не случилось ли чего, – сестра рассматривает то меня, то Лукаса, кутаясь в клетчатый плед поверх пижамы, напоминая мне о том, что я в одежде Лукаса. Несмотря на то, что я кое-как согрелась, не могу скинуть с плеч куртку.

– Имеешь в виду, не сбежал ли претендент в женихи? – ирония в голосе меня выдаёт, но за ней прятаться намного проще самой и свои чувства, а особенно – смятение от всего происходящего.

– Лорин, ты так и не дала шанса объясниться.

Не успеваю ничего ответить.

– У нас дела, пусть сильно не ругают, – Мэй-младший хватается за руку и тянет к калитке по дорожке из крупных камней. Не могу ничего не сказать, не сделать на его действия, видимо, наедине с ним я теряю всю свою оборону – я полностью безоружна. Пока мы несёмся вперёд, минуя несколько домов, и почти сталкиваемся с соседскими ребятишками, которые только смеются над тем, как я выгляжу, а девочки завистливо фыркают, смотря на Лукаса – ловелас недоделанный. И, закатывая в очередной раз глаза, я запинаясь о свои же ноги, отчего с одной сваливается тапок. Замечаю только в тот момент, когда наступаю на что-то острое и вскрикиваю от резкой боли в ступне. Оборачиваясь, Мэй хмурится, и, понимая, что случилось, отпускает руку и возвращается за злосчастным тапком, пока я матерюсь и на него, и на весь этот мир, которые вечно меня куда-то толкают, когда я не хочу. Лукас подходит обратно, быстро подхватывает на руки, и так и несёт, пока я шлепаю его по спине, чтобы он меня отпустил.

– Хватит так себя вести! – грубо сажая на капот машины, говорит Лукас и отходит, чтобы открыть машину.

– Не трогай меня и не буду, – хлопает дверцей и оказывается рядом с аптечкой в руках. – Мог просто отвести домой, я бы сама всё сделала.

– На самостоятельную ты не тянешь, тем более у меня планов на целый день.

Целый день в его компании? Уму непостижимо, на что я подписалась? Откидываюсь на локти, шумно выдыхая так, чтобы было понятно – я-то не горю желанием быть с ним вместе, да и ещё так долго, и только, слегка повернув голову в бок, обращаю внимание на машину, на которую меня чуть ли не кинул Лукас.

Этого не может быть! Не верю своим глазам!

Машина, которая символизирует всю американскую эпоху и её ни с чем не спутаешь. Зрительно узнается по хромированной окантовке фар и овальной решётке радиатора. Где-то читала, многим внешний вид этой модели больше всего напоминает формами бутылку Кока-Колы. Не припомню, чему ещё удивлялась так сильно, как сейчас, глажу эту чёрную мамбу, пока Лукас вытаскивает небольшой осколок из ноги и обрабатывает рану антисептиком, даже не замечая дискомфорта. Не верю, что из всех машин, он приобрёл именно эту. Понимаю, как глупо это спрашивать, я ведь знаю её как облупленную:

– Ford Gran Torino 1972 года?

Мэй поднимает лицо, его большие губы расплзаются в чеширской улыбке.

– Уверена?

– Нет, чёрт побери, наугад сказала, – издевается, это заметно, но я прощаю ему оплошность – машина захватила всё моё внимание.

– Может, теперь мы попробуем начать с начала? – тёплые пальцы сжимают холодные ступни, отчего по телу пробегает волна неизвестного происхождения. Не могу пошевелить конечностями, чтобы избавиться от этого чувства. Единственное, что в моих силах, говорить:

– А это уменьшит время, проведённое с тобой?

– Боюсь, что нет, – он отпускает меня. И это позволяет набрать побольше воздуха в лёгкие. Лукас встаёт с колен и, опираясь на запястья, находится очень близко к моёму лицу, чтобы не покраснеть – отворачиваюсь и натягиваю маску отвращения. Хотя очень может быть, что у меня это не получается. Наличие такой машины подо мной как будто уменьшают всю злобу, которую испытываю к нему. Или он это продумал – могла ли Пат ему что-то сказать? Или это так судьба сложилась в его пользу?

Мысли отвлекает урчание живота, уже не могу вспомнить, когда ела что-то существенное, кроме поп-корна у Тоби... Чёрт, Тоби!

– Могу я быть уверена в том, что с Тоби всё в порядке?

На моё счастье с его лица опять сходит эта улыбка, и в моих глазах он обычный парень. Обычный такой житель ада.

– Да, он в полном порядке сейчас и будет. Я не психопат, только хотел провести с тобой время, чтобы ты узнала меня.

Задумываюсь над его словами и не вижу причин сомневаться в том, ради чего он всё это задумал, да и раз у меня нет выбора, то...

– Я уже согласилась на твоё предложение, но у меня есть правило – не прикасайся ко мне.

– Что ж... – его голова опускается ещё ниже, нос щекочут волосы. Дорогой аромат наполняет пространство между нами, который неотъемлемая часть его. – Будет сложно, но постараюсь.

Его куртка всё ещё на мне в то время, как он продолжает стоять в одной футболке. Хочу снять с себя символ нашего перемирия, но он останавливает легким движением, между нами остаются сушие дюймы. Такая мелочь, но это вызывает улыбку, которую прячу – всё-таки он где-то скрывает Тоби. Знаю, как глупо ему доверять в части безопасности, но приходится расслабиться, хотя бы временно.

–Что у нас по плану, похититель? – растираю онемевшие запястья, шевелю ступнями, больная нога практически не даёт о себе знать, что порядком удивляет меня. Вколлот небось наркоты какой. «Ой, Лорин, могло быть и хуже», – читает нотации внутренний голос.

– Магазины, – если он ожидал, что глаза загорятся от данного слова, то этого не случится лет так через ... миллиард. – Слезай, самостоятельная.

Устрою ему сейчас проверку, посмотрю, чего стоит:

– Даже руку не подашь?

– Нет, – наигранно быстро засовывает свои руки в карманы джинс и направляется к водительской двери. – Только не поцарапай машину, дурёха.

Прыскаю на его замечание, но, вероятно, зря не попросила помочь хоть в этом. С грехом пополам удаётся сползти с капота, опираясь только на здоровую ногу. Лукас тем временем курит в открытое окно, вальяжно развалившись в кресле и держа руку вне салона. Аккуратно захлопываю пассажирскую дверь, и Мэй-младший поворачивает ключ зажигания, печка внутри салона немного отогревает мои конечности. Парень швыряет на колени несколько протеиновых батончиков. Уж не благодарности ли он ждёт? Вот ещё!

Наполняю свой желудок и как первый раз рассматриваю свой прикид и где-то, очень далёкой клеточкой внутри, становится стыдно за это. Куртка – единственная приличная часть гардероба на данный момент. Под ней скрывается растянутая и полинявшая футболка с изображением маски Гая Фокса. К слову, я даже бюстгальтер не надела и через ткань проступают соски, закутываюсь поглубже в кожанку Мэя, отчего он только усмехается и выдает:

– Тебе её подарить что ли?

Показываю фак, не поворачивая головы, на что он только смеётся – демонское отродье. Впервые в жизни становится стыдно за то, что я – это я. Вместо того, чтобы надеть нормальную пижаму, сплю в футболке и шортах, которым уже лет семь, а то и все десять. И к своему ужасу вспоминаю, что они не только старые – если бы только это – ещё и с дыркой на самом важном месте. Стыд обволакивает плотной шалью из колючей шерсти, которая кусает за все уголки тела.

«Ну какие теперь магазины?». Вжаться бы в сидение и раствориться. Закрываю глаза с одной лишь целью: представить, что всё это тоже сон, но, к сожалению, такой фокус меня больше не обманет. Я долго бегала от обязательств дочери, сестры, друга и теперь это разом вылилось в нечто, которое хочет меня сожрать, но есть ещё шанс отбиться, хоть и мизерный. Но как было бы здорово, если оно взяло и съело меня. Так нет же – оно решило жениться на мне.

– Приехали.

Я отрываюсь от лицемерия своих ног, и перед моим взором предстаёт элитный бутик в самой дорогой части города. Что ж, следовало ожидать от него чего-то подобного. Одно лишь желание: чтобы отшили как Вивиан [2], и на этом ужас бы закончился.

– Лорин... – обращается Лукас, а в его глазах надежда на продолжение испытания. Только я бы хотела, чтобы все пять жизней, как в игре, подошли к концу, и мой дух летал где-нибудь рядом с телом, а на экране бы высветилось «Game over».

– Хорошо-хорошо, Эдвард Льюис [3], за ваши деньги любой каприз.

Между машиной и входом пролегал шаг двадцать, которые кажутся дорогой на эшафот. Если бы я сказала, что только десятки раз собиралась повернуть назад, то это ничего не сказать. И парень, который заставляет пройти не семь, а миллион кругов ада, стоит у входа и смотрит на мои бичевания, но тем не менее никак не заставляет ускориться. А стоит поравняться с ним, как открывает рот.

– Заткнись, – толкаю дверь и передо мной предстаёт камера пыток с услужливыми инквизиторами, которые одновременно произносят:

– Чем Вам помочь?

– Какая коллекция интересует?

– От какого дизайнера?

Щебечут вокруг меня, а потом резко замолкают, оценивая внешний вид и платежеспособность, боюсь, не появившись сзади Лукас, выставили бы меня своими наманикюренными пальцами.

– Мистер Мэй! – звучит из разных ртов с потоком нежности. «Ох, боже, всех ли овец тут собрали?».

– Приветствую, мои милые феи! – у каждой берёт руку и целует, представляя себя наверняка знатным лордом. Хочется куда-нибудь плюнуть, только вот боюсь, как бы обратно не прилетело, отрекошетив. Тут всё как будто пропитано идеальностью: зеркальный пол, белая и светло-молочная обстановка с яркими пятнами в виде разноцветных ковров. – Мне нужна Ваша помощь, подберите наряд для моей девушки.

От этого обращения снова ошетиливаюсь и бросаю на него взгляд с кодовым названием «Последнее предупреждение». Лукас только пожимает плечами, отчего стыд заменяется злобой. Пока он что-то втирает своим рабыням, медленно продвигаюсь между вешалками в поисках занятия и с ещё одной целью, которой не горжусь – наследить своими грязными тапками по всему магазину. Даже представляю это забавным опытом, потому что я сюда никогда не вернусь, а рассказать Тоби будет чего, если он меня, конечно, простит за похищение этим принцем Датским.

Всё это не имеет значение, пока не высматриваю на одной вешалке не то изумрудную, не то мшисто-зелёную ткань, которая ловит в плен такую, как я. Мне не нужно разворачивать его, чтобы представить, как оно выглядит. Но всё равно подхожу ближе, чтобы удостовериться.

Да, оно!

Копия легендарного платья Сесилии Талис [4], выполненное из зелёного шёлка, чёрной и зелёной органзы и шифона в тон. Платье небывалой красоты, которое совмещает в себя роковую порочность, сексуальность, притягательность и одинокую загадочность неуловимого образа наяды. Это «платье с судьбой». Уже протягиваю руку к нему, как меня прерывают:

– Вам оно вряд ли подойдёт!

Первым порывом было грубо ответить этой нахалке, но вместо этого пользуюсь единственным удобным для себя вариантом – бегу. Быстро петляю между вешалками и выбегаю из магазина, моё сердце бешено бьётся – наплевать. Даже если они видели меня в таком виде и с дыркой на заднице. Будь я злее, спустила бы шорты и показала бы всю.

Разгорячённый Лукас выходит из магазина спустя минут десять, наверняка извиняется перед ними за моё поведение, а они ему кланяются, мол ничего страшного. Ой, да пошло оно всё.

Достаёт сигарету из пачки, щёлкает зажигалка, но он не затягивается. Сигарета медленно тлеет в его пальцах, пепел с которой падает на джинсы и нубуковые ботинки. Замечаю, что он расстроен. А чего он ожидал от рассадника гламура и пафоса?

– Как ты хочешь провести день? – и пока я не успела вставить своё супер «ласковое» мнение, добавляет: – Пожалуйста, только не говори, что дома, – сейчас он жалкая копия себя: надменность и браваду, как рукой смело. И так он больше напоминает того, кого я когда-то знала.

То ли потому что его жалко, то ли ещё почему отвечаю первое, что приходит на ум, кутаясь в его куртку и уже привыкая к тому, что запах становится частью меня:

– Поехали в парк-аттракционов?

– Как в «Дневник памяти»? – он поднимает взгляд вместе с левым уголком губ.

Мои зрачки увеличиваются от одной только возможности, что он смотрел этот фильм, поэтому продолжаю свой блиц-опрос:

– Побывать в двух местах одновременно?

– «Спешит любить»? Какие ещё глупые романтические фильмы ты знаешь? Небось в дорогой ресторан предложишь сходить? [5] – он улыбается, по-настоящему, и ничего не остаётся, как сделать это в ответ. Он кидает окурки в сторону магазина.

– Так, ладно... Действуем по плану Б.

– Можно узнать, в чём он состоит?

Лукас как-то хитро улыбается, и я не уверена готова ли на то, что он придумал, но повернуть назад, значит, проиграть, а такого удовольствия я ему не доставлю. Я что зря играла во все старые игры на катриджах, доводя навыки до совершенства? Это тоже игра, только приз тут другой – Тоби.

«На что ты готова ради Тоби?» – спрашивает внутренний голос. И я отвечаю: «На всё».

– Тогда сейчас мы переоденем тебя, а то ты наверняка чувствуешь себя не очень-то и уютно, – он оказывается довольно близко, и я забываю, как дышать. Он загоразживает собой весь свет, и у меня такое чувство, что, кроме нас, вокруг никого и нет, настолько его сейчас много рядом. Я хочу его оттолкнуть, но не хватает на это сил. А он, как и обещал, не трогает меня, проводя рукой очень близко с лицом, но не соприкасаясь с кожей.

Я поднимаю взгляд на него и замечаю, что за всей этой хитростью и показным движением кроется и что-то ещё. Только всё равно непонятно, зачем он всё это делает, спустя столько времени вернулся в мою жизнь, чтобы снова её обосрать?

– Ты долго будешь тут делать свои неумелые попытки, Казанова?

Лукас отступает на шаг, зарываясь рукой в шевелюру, пока я обхожу машину и встаю у пассажирской двери. Перед тем как сесть в машину, я замечаю, как он смотрит на свои руки, шевеля пальцами и задумавшись. Слишком он много думает для того, кто заставляет меня поступать так, как ему хочется. Что за двойную игру он ведёт?

Я залезаю в машину и выкручиваю печку на максимум, чтобы согреться. Меня снова трясёт так, что даже зубы стучат, когда Лукас садится в машину, заводит мотор и даже не смотрит на меня. Стоя на перекрестке, он достаёт из пачки сигарету, и, собираясь уже её подкурить, зажигалка падает куда-то в ноги. Я нагибаюсь вниз и достаю её, зажигая, чтобы он затянулся воздухом, создавая тлеющий кончик.

Он смотрит на меня через огонь, уже подкурив, и не спешит оторваться от лица. Отводит взгляд, когда машина сзади сигнализирует, чтобы мы уже ехали. Я чувствую, как мурашки пробегают по коже. И вот на что я так отреагировала, называется? Стоило только этому блондину на меня посмотреть, и я снова ему поверю? Вот уж хренас два!

Через пять минут мы подъезжаем к самому большому торговому центру в городе, Лукас заезжает на подземную парковку и останавливается там. Когда он глушит мотор, я пулей вылетаю из машины, только чтобы не оставаться с ним в такой спокойной атмосфере. Я боюсь, что

он начнёт разговор, который меня не устроит – пусть уж лучше я буду его тихо ненавидеть. Рядом паркуются и другие люди или наоборот уезжают, загружая в машину покупки, детские голоса ударяются о стены и потолки, создавая какофония. Лукас быстро догоняет меня, проезжая на тележке, кружа вокруг меня, пока мы идём к лифту.

– Лукас, ты нормальный? Тебе сколько лет? Одиннадцать?

– А тебе бы хотелось, чтобы между нами такая разница была? – ехидно спрашивает он, и я вспоминаю о том, что младше на четыре года. Я резко делаю шаг вперёд, и он поворачивает тележку, отклоняясь, так, чтобы не столкнуться со мной, и врывается в столб.

– Придурок! – говорю я и нажимаю на кнопку вызова лифта. Двери сразу открываются, оказавшись внутри, вдавливаю цифру на первый этаж, он слышит звук закрывающейся двери, быстро проскакивает между створок и на скорости припечатывает меня к стене. Я чувствую его дыхание на себе и отталкиваю в обратную сторону.

– Лорин, ты прекрасна! – он смотрит на меня с другой стены, зная, что это всё сбивает с толку.

После того, как я выбрала одежду и обувь, в которой не чувствую себя ободранкой с улицы, перемерив, наверно, большую часть магазина. Лукас умудрялся раскритиковать всё и сейчас, оплачивая покупки, опять втирает продавщицам о том, что я его девушка. И я испытываю неудобство, когда они переводят взгляд с него на меня и обратно, не понимая, что он нашёл во мне, кроме ненавистного взгляда и неидеальной фигуры, которую они успели заметить, когда не вовремя открыли кабинку, передавая очередные вешалки с рубашками, блузками, платьями и джинсами.

Это настолько сейчас раздражает, что я кричу на полмагазина:

– Вспомнила, милый, нам надо зайти за таблетками в аптеку. Доктор там выписал какие-то новые для эрекции, – я подхожу ближе к кассе, к оторопевшему Лукасу и девушкам, которые сначала смущены, а потом выпускают воздух словно лёгкий смешок. Я беру его под руку и заговорщицким шепотом произношу:

– Беда так беда! Мучаюсь с этим – вечно вялый, – пока никто не успеет ничего сказать. Я веду его на выход, и он с силой сжимает моё запястье – знаю, что эти шутки самое низкое, что я могла придумать, но он первый начал войну, а язык – это моё единственное оружие.

Когда мы выходим из магазина, он притягивает к себе слишком сильно и тесно. Я упираюсь руками в его грудь, но он сильнее меня – я это понимаю. Он хватает одну руку за запястье и медленно ведёт вниз по телу так, что прощупываются все мышцы под футболкой, которая, блин, тонкая как пергамент – на кой-чёрт такие делать? – пряжка ремня оказывается под пальцами, и он с силой толкает руку ещё ниже.

– Лорин, не шути со мной больше так, – строго говорит он и легко разрывает наш контакт, отпуская запястье, на котором наверняка остались следы от его лапищи. Сердце в груди бьётся так, и я не сразу понимаю, что вообще только что было. Нас обходят какие-то подростки, посмеиваясь над тем, что они видели. Лукас сжимает ручки пакетов несколько раз, стараясь успокоиться, и уже порывается снова достать пачку сигарет.

Рука пульсирует даже не из-за хватки, а из-за того, что я слишком хорошо запоминаю то, что находится под его одеждой, и это чертовски не вовремя заставляет задуматься о том, что он красив. Я смотрю на него, на его гуляющие желваки на лице и выдавливаю жалкое:

– Извини.

Он достаивает меня беглого взгляда, а после кивает, говоря тем самым, что принимает извинения, но говорить об этом он не намерен – я задела его за мужскую гордость. Унизила тогда, когда он всего лишь втирал о том, что я его девушка. Он же не виноват в том, что стереотипы слишком глубоко въелись в нашу жизнь, и они не последние, кто скажет, что я ему

не пара – он слишком сильно похож на короля любой вечеринки, в то время как я – это та самая странная девочка, которой на всё наплевать и на себя в том числе.

– Ладно, забили, я постараюсь больше не называть тебя своей девушкой, – я выдыхаю от облегчения, пока он не продолжает: – Ты всё же моя невеста.

Выговорив это, он молниеносно убегает в сторону лифта, а я, не раздумывая, гонюсь за ним с криками:

– Лукас! Я тебя придушу! – вот неужели ему доставляет такое удовольствие издеваться надо мной? Но я сама не сразу замечаю то, что бегу за ним с улыбкой; с одной из тех улыбок, которые говорят о том, что жизнь доставляет радость.

– Поймай меня, если сможешь! – он оббегает тех подростков, поднимая пакеты над головой.

– Ну, погоди, Фрэнк Эбегнейл! [6] – мы петляем между людьми, пробегая так приличное расстояние по этажу, мышцы приятно реагируют на нагрузку. Он резко разворачивается, и я, не успев затормозить, влетаю в его раскрытые объятия, в которых чертовски, блин, уютно.

– Том Хэнкс из тебя никудышный, – говорит он в самое ухо, вызывая новый приступ мурашек. – Ладно, у нас ещё есть дела!

– Я не стану это делать, Лукас! – говорю я уже в десятый раз, сидя в кустах перед домом братства колледжа Alpha Delta Pi.

– Да ладно тебе, у них там вечеринка в самом разгаре – нас и не заметят!

– Да ну прям! – шиплю на него я, тыкая в бок, чтобы он перестал ко мне прижиматься. А я-то думала, он отвезёт меня домой или в парк – ну куда угодно, но не обратно в этот рассадник разврата и алкоголя. – Посмотри на меня внимательнее, не думаешь ли ты, что я уже не в том возрасте, чтобы сойти за студентку?

– Да забей, и тридцатилетки имеют право погулять! – он словно даёт мне в солнечное сплетение. – Ты наверняка не отрывалась в своё время, я прям вижу страх в твоих глазах, Лорин! А я хочу повеселиться, тем более у меня ещё есть время до конца дня, так что сожми там свои стальные яйца и погнажи.

Он встаёт и хватается за руку, поднимая, пока я пытаюсь вырвать запястье и оказаться на свободе, шепча «нет-нет-нет». Мне кажется, я даже немного отключаюсь от реальности, потому что следующий кадр – мы появляемся на вечеринке, и нас легко пропускают какие-то парни-бугаи, когда видят на Лукасе куртку их братства, а на мне соседнего сестринства – я вообще боюсь представить, откуда он их взял.

Всегда казалось, что это шутка, но оказывается, что все фильмы – правда, и мы проходим испытания, как в «21 и больше», стараясь дойти до последнего задания и получить никудышный приз и желание умереть от количества выпитого дешёвого пойла. И если в самом начале я пытаюсь как-то избежать всего, то после нескольких стаканчиков пунша я чувствую, как запреты слетают подобно пробки с шампанского, и я уже бегу вперёд Лукаса до нового куратора задания.

Я запоминаю смех Лукаса, его объятия и тёплые ладони, в которых легко теряется моя, когда мы справляемся с новым заданием. Остальное находится в тумане «Забудь и никогда не вспоминай», и кажется я совсем забываю о том, что Лукас мне не друг, он даже не мой приятель; он тот, кто бросил меня однажды. Почему тогда я так легко могу оторваться с ним, не испытывая угрызения совести за то, что я всё ещё не знаю, что там с Тоби?

Кажется, я немного теряю связь с реальностью и оказываюсь на мягком диване. Через пелену я слышу, как Лукас говорит:

– Посиди здесь, я принесу воды. Можешь присмотреть за ней? – обращается он к кому-то.

– Да, конечно!

С трудом поворачиваю голову в сторону, чтобы рассмотреть того, на кого меня оставил Лукас и этим кем-то оказывается рыжая и очень красивая девушка, с веснушками на лице. Она отставляет стакан на столик перед нами и разглядывает меня:

– Я Эшли, не бойся – скоро должно полегчать. Ты первый раз на таких вечеринках? Хотя у меня такое чувство, что ты здесь по ошибке, – а девушка оказывается наблюдательнее, чем бугаи на входе.

– А я Лорин и притащил сюда меня тот говнюк, – выговариваю я, подавляя рвотный позыв и садясь прямо.

– Говнюк? А по-моему, ты с ним проводила очень даже охуенно время, – она улыбается, указывая вперёд, где несколько пар обтираются друг о друга, напоминая о конкурсе, где надо было изобразить несколько видов танцев.

– А вот и я, – появляясь рядом, говорит Лукас, подавая воду. – Нам, наверно, стоит пойти на воздух. Спасибо, что присмотрела.

– Да без проблем! – говорит Эшли, не сводя с меня глаз.

Я встаю медленно с дивана, чувствуя, как мир кружится, и пока не отключилась, я слышу, как кто-то кричит:

– Рэмбо, ты где?

– Иди нафиг, Рон!

Не знаю, сколько проходит времени, но стоит открыть глаза сейчас, и я оказываюсь в примерочной, на мне зелёное платье Сесилии Таллис – и какого чёрта я здесь делаю и что было между теми событиями и этими. Провожу подушечками пальцев по материалу, и он такой, каким его и представляла. Дивлюсь тому, как оно село, словно влитое, я не уступаю по красоте Кире Найтли в этом образе. Под тканью слегка выступают соски, отчего образ становится только притягательнее. Касаюсь своей шеи и нахожу цепочку. Откуда она взялась? Верчу её перед зеркалом и понимаю, что это безделушка из автоматов, которые можно найти повсеместно. Кулон можно открыть, но я не успеваю это сделать.

– Ты готова? – кричит Лукас. Я не отвечаю, потому что в голове возникает какая-то каша из событий, которые случились после того, как мы покинули домик братства. Но всё это очень смутно и слишком урывочно. Кажется, что меня несколько раз вырвало.

За спиной что-то происходит: в зеркале замечаю, как занавеска медленно открывается. Первое желание – прикрыться, но этого не делаю. В свой плен меня ловит его взгляд, от которого снова кружится голова. Часть прядок падает на его лицо, стоит только развернуться, и я легко их уберу.

– Ты прекрасна... – Мэй выдыхает это медленно и хочет провести рукой по плечу, но быстро отдёргивает руку, вспоминая о нашем уговоре, который, как мне кажется, мы уже нарушили десяток раз за этот день. Внутри копошится обидное чувство упущения, но списываю это на количество алкоголя, который ещё циркулирует по организму. – Пойдём!

Следую за ним по тёмным коридорам какого-то здания, который скорее напоминает школу – как мы сюда вообще попали? Я смутно вспоминаю, что мы садились в машину. Сейчас бы по-хорошему остановиться и подумать, что мы тут делаем. Точнее – что делаю я и почему так легко веду на всё это? Но пока я набираюсь сил, чтобы позвать Лукаса и решить этот вопрос, мы оказываемся в большом и тёмном зале, в центре которого горит старинная лампа на столе. Я, замороженная, медленно иду вперёд на свет, словно глупый мотылёк. Лукас берёт в руки что-то со стола и разворачивается ко мне лицом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.